

Современная российская культура в зеркале отечественной литературы

Искусство в целом и, в особенности, художественная литература является наилучшим фиксатором глубинных процессов в культуре. Поэтому ознакомление с художественной литературой и ее анализ может быть полезен при желании понять дух той или иной культурной эпохи. В особенности это может относиться к анализу текущей эпохи, современности, поскольку теоретическая рефлексия вынуждена запаздывать по отношению к происходящим процессам, видение же художника фиксирует их непосредственно. Способность к фиксации не связана напрямую с качеством литературной продукции. Огрехи в качестве также могут быть средством обнаружения характерных особенностей культурного сознания и его проблем. Состояние современной отечественной литературы многими авторами уже давно оценивается как кризисное. Но даже если картина современного литературного процесса представляется в общем безрадостной, она способна сказать нам нечто важное о современной социокультурной ситуации, ибо она отражает в художественной форме ее проблемы.

В советское время суровым противником писателя являлась цензура, идеологическое давление не давало писателям высказаться начистоту, некоторые выбирали путь «самиздата» и «тамиздата», впрочем, цензура воспитывала в писателе строгость к тексту, умение пользоваться тайным языком, добиваться художественной силы, многозначности слова. Особенно много о цензуре в литературной среде заговорили в 60-е годы, однако именно в эту эпоху советская литература переживала бурный расцвет, подлинный Ренессанс. Никакие цензурные запреты не мешали пробиваться к читателю стихам Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Б. Ахмадулиной А. Кушнера, В. Сосноры. Издавались Шукшин, Белов, Астафьев, Распутин, Борис Васильев,

Бакланов, Федор Абрамов, Андрей Битов, Фазиль Искандер, Валерий Попов, драматурги А.Вампилов и А.Володин. Это были высокоталантливые, и очень смелые книги, в них не обходили молчанием самые тяжелые времена России XX века.

С началом перестройки писатель получил практически полную свободу. Казалось бы, должны появиться новые талантливые произведения, не совпадавшие с культурной и политической стратегией советской власти, долго лежавшие под спудом... Читатель пришел в восторг от прозы С.Довлатова, прочитал «Верного Руслана» Г.Владимова, многотомное собрание сочинений Солженицына, «Пушкинский дом» А.Битова, еще несколько книг. Дальше обозначилась пустота. Долгое время она была замаскирована целым валом ремесленной, развлекательной литературы – триллеры, всякого рода фантастика, море детективов, при этом вовсе не всегда низкопробных.

Но о том, что серьезная, «большая» литература больна, переживает тяжелый кризис, писали еще в начале 90-х. Замечательный критик Ирина Роднянская в статье «Гипсовый ветер» (Новый Мир, 1993, № 12) говорила о какой-то роковой «болезни нашего культурного сознания». Впрочем, ее природу она тогда затруднялась определить.

С тех пор прошло 30 лет. Ежегодно присуждаются престижные премии «Национальный бестселлер» и «Большая книга», с 1992 по 2017 вручалась премия «Русский Букер». При этом ни одно из художественных произведений, отмеченных престижными премиями (награда главным победителям – от 1 до 3 миллионов рублей) так и не стало настоящим событием в русской культуре, а ведь премиями отмечено больше 100 книг, предположительно – это и есть современная классика.

Вся эта литература в жанровом отношении весьма разнообразна. Есть и исторические эпопеи, пытающиеся обобщить историю русского XX века, и даже всю многовековую российскую историю, к ним примыкает обширный круг исторического фэнтези, повествования из области альтернативной

истории, есть реалистические повести и романы, продолжающие традиции русского критического реализма, в том числе – поднимающие тему «маленького человека» с его неказистой, убогой жизнью, к ним примыкают романы-воспоминания о детстве и юности, как правило – речь идет о советской эпохе, где автор, перебирая забытые реалии, служит кем-то вроде экскурсовода, есть и возрождающийся казалось бы, давно отвергнутый и прочно забытый жанр производственного романа. . Все большее место занимает среди книг-лауреатов документалистика – беллетризированные семейные мемуары.

Не претендуя на всеобъемлющий разбор современной литературы, мы укажем лишь несколько репрезентативных произведений разных жанров, удостоенных престижнейших премий. Оценив их содержательные и стилистические тенденции, можно увидеть, что эти книги способны представить нам отчетливый срез современной отечественной культуры.

Пожалуй, наибольший интерес критики вызывает трудноопределимый жанр, вроде исторической эпопеи, сдобренной элементами фэнтези, и философскими декларациями героев и автора; объект исследования непременно имеет большой масштаб, от судеб русского XX века до судеб России и мира в целом. Один из ранних примеров – широко разрекламированный критикой «Укус ангела» Павла Крусанова (1999) – это эпопея с магическим уклоном, происходящая в «альтернативной» России. Автор озабочен вечным вопросом «От Бога власть, или же не от Бога, и даёт ли право эта власть избранному ею быть выше морали, закона и совести?» Герои не вызывают симпатии, а ход развития действия совершенно немотивированный. В романе воспитанная в цыганском таборе девочка Надя поднимает народное восстание и перед ней катится гигантское огненное колесо, разделяющее Россию пополам. Впрочем, вскоре страна как-то срастается. Главный герой, отвратительный Иван Некитаев, по прозвищу Чума, родившийся от мертвого отца, сожительствует с родной сестрой, захватывает власть, Россия растет, расширяется, вот уже взят

Константинополь, Россия обменивается ядерными ударами с Америкой. Иван жаждет победить любой ценой и готов выпустить из подземного мира страшных псов Гекаты, питающихся человеческими душами, причем неясно, можно ли их будет загнать обратно. Критика подняла невероятный шум: восхищалась новаторством и ужасалась имперским идеям Крусанова, хотя в действительности его повествование лишено и того и другого. Герои то манерничают, то суконным языком произносят длинные монологи о Боге, истории, нравственности, умудряясь не сказать ничего нового. Это не альтернативная история, не фантастика, не антиутопия – ведь и у этих видов литературы есть определенные законы. Идет постоянная литературная игра, то элитарно-маньеристская, с обращением к Достоевскому, Набокову («Ада»), Умберто Эко, Милораду Павичу, то подделка под популярный жанр фэнтези – тогда появляются колдуны-«моги», тайные ордена, алхимические браки.

История России – в центре романа Петра Алешковского «Крепость», лауреата премии «Русский Букер» за 2016 г.

Книга буквально насыщена знакомыми штампами и клише: и беспомощная интеллигенция, и жалкий народ, и проклятый Сталин, и воцарившийся в стране культ чистогана, и трагедия маленького человека, и мысли о спасении души, и «ниспровержение идолов» (восхваление Барклая в противовес Кутузову), в общем, весь набор идей среднеобразованного рефлексирующего интеллигента. Чистый, бескорыстный и наивный археолог Мальцов будет биться за сохранение старинной крепости и ее бесценных фресок. Лжеархеолог, ловкач, делающий для строителей экспертизу земли за откаты, уводит у героя жену, а директор музея увольняет его. Но в ночных видениях Мальцову предстоит вернуться в историческое прошлое своего рода и стать монгольским воином – потомком чингизида Толуя, отдавшего жизнь ради спасения брата – Угедая. Вот и весь сюжет, роман занимает около 600 страниц.

Один из самых известных и титулованных писателей современной России – Евгений Водолазкин, автор романов «Соловьев и Ларионов», «Авиатор», «Лавр», «Оправдание острова» и др. За роман «Лавр» получил премию «Большая книга» за 2013 год. Сам назвал свой роман «неисторическим». По версии газеты «The Guardian», роман «Лавр» вошёл в топ-10 лучших книг мировой литературы о Боге [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лавр_\(роман\) - cite_note-8](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лавр_(роман) - cite_note-8).

Главный герой, врачеватель Арсений, оставляет без помощи свою тайную возлюбленную Устину, и та умирает родами. Пытаясь искупить грех, на протяжении жизни он успевает побывать странствующим травником, юродивым, паломником, съездить в Иерусалим, наконец он затворяется в монастыре и принимает имя Лавр. Герой одним прикосновением исцеляет слепых и поднимает на ноги немощных, взглядом изгоняет бесов. В романе все непрерывно ждут конца света, назначенного на 1492 год, и неоднократно «обращаются в монастырь за уточнениями». «Нам это важно, простите за прямоту, и в отношении планирования работы, и в смысле спасения души», — именно такой текст выдает один из героев.

Заканчивается «Лавр» разговором русского кузнеца с немецким купцом: ничего вы в нашей русской земле не понимаете, да и сами мы в ней ничего не понимаем. И, конечно, автор ничего не берется объяснять. Ему важно констатировать чудо, именно оно и есть оправдание существования «нашей русской земли». И ернический язык героев, когда на протяжении одного монолога персонаж говорит то (по выражению критика С. Друговейко-Должанской, которая романом восхищается) на «чистейшем древнерусском, то на среднесоветском, то на раннепостинтеллигентском», и герой, чьи сверхспособности определяются прежде всего его «русскостью» – свойством, которое при всей своей неопределимости одинаково востребовано и массами, и элитой – все это обеспечило внимание роману.

Но столь прямо рекламируемое русофильство и восхищение православием на деле оборачивается чем-то прямо противоположным. Вот,

например, речь идет о необходимости исторической памяти. Герои говорят о Елеазаре, резчике по дереву, о котором все забыли. А что может о нем вспомнить памятный рассказчик? – Что он много пукал. И вот мальчик лежит на могильной плите: «Елеазар, пукни, тихо просит мальчик. Хотя бы раз. Пусть это будет твоим сигналом оттуда. Елеазар обиженно молчит». Не слишком осведомленный читатель просто поморщится, более просвещенному померещится кощунство. Водолазкин – специалист по древнерусской литературе, ему должны быть известны и жития святых. В этой сценке в травестированном, низменном виде он использует Житие Акакия Синайского. Там есть эпизод, когда кроткий, вечно послушный Акакий, претерпевший много обид от старца-наставника, умер. Епископ же, узнав об этом, пришел на его могилу и воскликнул: «Брат Акакий! Слышишь ли ты меня?» Мертвые обычно молчат, но несущий обет послушания и за могилой Акакий кротко отвечает: «Слышу!» Сказать по совести, даже бездуховный Собакевич у Гоголя с гораздо большим уважением вспоминает о своих мертвых душах, чем высокодуховные герои Водолазкина.

Другой роман Водолазкина, «Оправдание острова» – еще одно житие, притча, псевдоисторический роман. Рассказывается о 350 годах Империи – несуществующего острова. Опять видим смесь средневековых и современных реалий, от языка Повести временных лет до новояза современных журналистов. В истории острова, окруженного водой, достаточно очевидно отражена история последних трехсот с лишним лет России, с ее войнами и революциями. Сама идея – на маленьком пространстве воссоздать историю большого мира – не нова. Щедрая на похвалы критика сравнивает роман с «Историей одного города» Салтыкова-Щедрина, с «Островом пингвинов» Анатоля Франса, с Макондо из романа Маркеса «Сто лет одиночества», с «Возможностью острова» Уэльбека. И всякий будет прав: современная постмодернистская литература стоит на плечах гигантов. Исторические времена и события перемешаны как колода

карт. Жизнь острова – это череда жестоких и глупых правителей, народ – лишь безликая масса, не способная стать субъектом истории.

Еще один писатель, заслуживший пламенные похвалы критики – ныне покойный Владимир Шаров. Его последние романы – «Будьте как дети», «Возвращение в Египет», «Царство Агамемнона» пытаются проследить истоки русской революции, ее сущность. Критика числит в учителях Шарова от Л.Толстого до А.Платонова. Человек безусловно талантливый, знаток истории, Шаров защитил диссертацию по Смутному времени. Но как выглядит у него история?

Мадам де Сталь рождает Сталина, рукопись прячется в бутылку и после смерти зашивается автору в живот, Ленин ведет беспризорных детей через море «аки по суху» в крестовый поход на Иерусалим, сталинские репрессии придуманы для спасения душ через умерщвление плоти, а Россию спасти можно, лишь дописав за Гоголя сожженный том «Мертвых душ».

Вся эта фантазмагория не может затенить главную мысль Шарова: прошлое – уродливо и безотраднo, и дело не только в жестоких правителях, но и в народе. Москва – новый Иерусалим, Русь – новый Израиль, русские – избранный народ. Но в чем его избранность? Они ищут «настоящую веру», не столь важно какую, в Иегову или Маркса. Они ждут прихода хоть Христа, хоть Антихриста, они наивны, как дети. они верят, что живут на Святой земле и высокий смысл их существования – в борьбе с супостатами. Скажут им, что кругом царство антихриста, что царство Божие на небе – будут сжигать себя, скажут, что царство это на земле – будут воевать насмерть. То есть русский народ – варвар, носитель стихийного, роевого, дорационального, мифологического сознания. Таков ответ на вопрос, занимающий автора: почему в России строили рай, а построили ад, почему не в Землю обетованную вошли, а вернулись в Египет?

Один из самых популярных (тут сошлись мнения критики и читателей) писателей-историков последних двух десятилетий – Алексей Иванов. Его роман «Сердце пармы» – история покорения пермской земли и ее исконных обитателей, воинственных вогулов (манси) московскими царями. Но здесь частая ошибка писателей-историков: тщательно прослежены реальные события, они украшены неплохо воссозданной местной мифологией, есть и мистический элемент – но нет глубоких, запоминающихся характеров, нет и настоящего конфликта, который бы эти характеры выявил. В результате сюжет провисает, повествование тянется бесконечно, превращаясь в череду необязательных эпизодов. Все эти достоинства и недостатки унаследовал и одноименный фильм Антона Мегердичева, вышедший на экраны в 2022 году.

Значительно более удачный роман – «Золото бунта», о жизни на уральской реке Чусовой в эпоху после пугачевского восстания – здесь писатель показал глубокое знание местной географии, этнографии, воссоздал забытую местную мифологию, красочно показал смертельно опасный труд сплавщиков. Одновременно это и исторический роман, и детектив, и мистический триллер. Автор сам десятки раз спускался по бурной реке, знает все ее пороги и страшные скалы – «бойцы». Есть и неплохой детективный сюжет: юный герой Осташка Переход хочет очистить от клеветы имя своего погибшего (или исчезнувшего вместе с золотом Пугачева) отца. Но герой, которому вроде бы свойственна храбрость, справедливость, чувство чести, ведет себя на протяжении романа все более иррационально. Готовый отдать ему свои симпатии, читатель ошарашен: Осташка идет к своей цели, не замечая других людей, губя их без счета, он готов на насилие и убийство – и не испытывает никакого душевного трепета. В конце романа он разбивает свою барку о скалы и губит доверившихся ему товарищей с совсем уж непонятными целями, тут автор нарушает всякое правдоподобие. Что это? Неумелость автора? Или почувствовав, что овладел новым и сильным жизненным материалом, автор побоялся показать еще и положительного русского героя-деятеля, труженика, смелого искателя правды? И в угоду

либеральным вкусам критики придал ему, наряду с правдоискательством, звероподобные черты носителя хаоса, темных хтонических желаний?

Другим жанром являются разного рода мемуары, мимикрирующие под реалистический роман. Людмила Улицкая, видимо устав от выдуманных героев, воспользовалась собственным семейным архивом и создала повествование в письмах «Лестница Якова», где охватывается история всего XX века, но представленная в чисто семейном ключе. Здесь есть все: война, ссылка, лагерь, любовь, развод, отъезд в Америку, наркотики. По пестроте сюжета роман напоминает индийский кинематограф. Но в этом романе царит скороговорка, нет правды характеров, внятной логики развития действия, психология героев не раскрыта, хотя эпистолярный жанр мог бы дать такую возможность.

Все больше места в современной литературе занимают биографии деятелей литературы (С.Шаргунов – «Катаев. Погоня за вечной весной», Д.Быков – «Борис Пастернак», А.Кабаков, Е.Попов – «Аксенов», О.Лекманов М.Свердлов, И.Симановский – «Вен.Ерофеев: посторонний»). Получают премии и романы о реальных исторических личностях, претендующие на документальность. Лев Данилкин пишет роман о Ленине, имеющий причудливое название «Пантократор солнечных пылинок». Первую премию «Большой книги» в 2015-16 гг. вручили Л.Юзефовичу за роман «Зимняя дорога», о командире Сибирской добровольческой дружины Пепеляеве. При этом история рисуется как столкновение двух сильных волевых личностей, белого и красного командиров. Но какие идеи их одушевляли, почему победили красные? Под пером Юзефовича история приобретает какой-то окказиональный характер. То, что документалистика награждается как художественная литература, конечно, свидетельствует об оскудении последней.

Неоднократно осмеянная в постперестроечной критике тема «маленького человека» также вернулась в литературу, но в весьма причудливом виде. Можно привести в пример роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (Нацбест, 2018). Больницы, транспорт, детский сад, жизнь маленького серого человечка в большом провинциальном городе середины 90-х, и раньше, в середине 70-х гг. вполне узнаваема. Восторженные критики сравнивают роман с магическим реализмом Маркеса, с постмодернизмом Венедикта Ерофеева, даже с Булгаковым. Но в сущности – здесь просто торжествует приземленный бытовизм, автор возвращается к чернухе 90-х годов. Мистический налет придает роману некоторое своеобразие: герои похожи то на Аида, то на Харона, то на Эриннию, но это плохо объясняет характеры и поступки героев, находящихся то ли в гриппозном, то ли в шизофреническом полубреду, и сами герои – маленькие, жестокие, обрисованные плоско и невыносимо скучно.

Разумеется, за последние три десятилетия издавались хорошие книги, ряд писателей остался верен принципам великой русской литературы, с ее глубиной и многозначностью, умением показать диалектику души, способностью выстроить увлекательный сюжет. Таковы, например, книги Павла Санаева, Александра Покровского (по его сценарию был создан фильм «72 метра»), Захара Прилепина, Германа Садулаева. Продолжает издавать романы беспощадно изруганный критикой и не утративший читательской любви Виктор Пелевин. Один из самых сильных романов последнего десятилетия – «S.N.U.F.F.», где есть и гротескная антиутопия с захватывающим авантюрно-любовным сюжетом, и злая и остроумная сатира на современную Россию и в еще большей степени – Запад.

Но все эти романы – более, чем десятилетней давности.

В целом литературный пейзаж последнего тридцатилетия являет достаточно безотрадный характер.

Литература как будто совершила круг и вернулась в начало 90-х годов. В прозе, ориентирующейся на реализм, снова в моду вошло унылое

бытописание, мрачный пессимизм, советское прошлое окрашено в безнадежные тона – так современные писатели понимают критический характер литературы. Как будто не было в истории страны ни великого порыва к свету, правде и справедливости, ни массового самоотвержения, наконец, почти исчез из поля зрения радостный, полнокровный оптимизм 50—60-х годов,— все это «вышло из моды», это не котируется ни в российских либеральных кругах, ни на Западе, откуда современные писатели ждут неких преференций. В этом – видится забвение великих принципов русской классической литературы – писать объективно, без гнева и пристрастия, обладать духовной свободой и широтой взгляда, наконец, стремиться к углубленному психологизму, не терять ощущение, что нет «маленьких и больших» людей, что «каждый человек есть тайна» и дело писателя – разгадать ее (как об этом писал Достоевский).

Во всех вышеперечисленных и во множестве других современных серьезных романов царит метафизическая скука, нет юмора, самоиронии. Победа над реализмом не стала праздником литературного многоцветия, она просто развязала руки писателю. Литература смело берет на себя функции теологии, философии, политологии, а ведь еще недавно критика издевалась над дидактичностью русской классики. Погружаясь в историю, литература последних лет хочет изображать ее только фантазмагорически, как нагромождение бреда. На страницах десятков романов – безумные властители и жалкий роевидный народ. Большинство авторов, возможно, искренне считают себя патриотами, но мы видим иное – снобизм, презрение к народу как к носителю истории. Чтобы осмыслить историю страны, нужно ощущение личной ответственности, чувство вины, нужны жалость и сострадание – но ничего этого нет. Жизнерадостно мифологизируя и мистифицируя историю, писатели обращают ее в сырье для своего безликого мудрствования.

В стилистическом плане для современных писателей как будто не существует опыт двух веков великой русской литературы. Они разучились

владеть живой разговорной речью, не могут выстроить правдоподобный, естественный диалог. Часто писатель просто не способен *показать* поступок или явление. Вместо этого – длинное, путаное, сухое *изложение* происходящего, без всякого осмысления.

Стиль повествования переусложнен, писатели полюбили громоздкие предложения, скрытые цитаты, поток сознания – современная литература довольно умело имитирует черты модернизма и постмодернизма, но то, что в начале XX века под пером Фолкнера, Пруста и Джойса выглядело смелым новаторством, спустя век производит впечатление вторичности, литературного штампа. При отсутствии большого таланта текст становится откровенно скучным, неудобочитаемым.

Вместо людей – картонные муляжи, по желанию автора озвучивающие его идеи. Не вдохновляют и сами идеи – возникает впечатление, что писатели просто отравлены продуктами распада различных учений – от марксизма до буддизма.

Идейной насыщенности нет. Легковесность, беглость взгляда на историю, автору (будь он по убеждениям либерал, сторонник «западных ценностей» или почвенник, любящий имперский размах) все ясно, он выстраивает громадные концепции, достоверные в меру его образованности, – и уже не сомневается, не мучается. Ни у бегло обрисованных героев, ни у автора нет стремления прорваться к правде, как это происходило у героев Достоевского, Толстого, Платонова, Булгакова, Шолохова. Нравственные мучения, мужественный поиск социальной, политической, нравственной истины – вообще явление редкое для современной литературы. Скорее, герой погружается в свое унылое подсознание, вспоминает детские страхи, унижения и комплексы, любовные неудачи, как правило ответственность перекладывается на окружающих, человек мал и ничтожен – и ни у автора, ни у героя нет ни нравственного, ни интеллектуального потенциала, чтобы решать глобальные проблемы.

Грустно то, что такие произведения прославляются и навязываются читателю. Это становится возможным благодаря безвкусице и беспринципности критики, готовой восхвалять низкопробное произведение. У критики отсутствует культурный глазомер, талантливое и бездарное анализируется с одинаковым энтузиазмом.

С другой стороны, падение современной литературы началось давно, с уходом культурного поколения, помнившего дооктябрьское время. Уже в середине 70-х, после «Пушкинского Дома» Битова, «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера, тетралогии Федора Абрамова «Пряслины» литературный пейзаж начал являть запустение.

Падению литературы есть и идеологические причины, путаница, царящая в умах. Общество раздроблено как никогда раньше. Для конца 50-х – начала 60-х было характерно достаточно единодушное осуждение культа личности и шире, тоталитаризма. Но и власть воспитывала народ, трудно переоценить смелость доклада Хрущева, публикацию в Новом мире повести «Один день Ивана Денисовича». В 70-х – начале 80-х общество, кроме самых замшелых ретроградов жило дружным недовольством – геронтократия, бюрократический гнет, застылость идеологических догм, желание перемен, свежего воздуха, массовая жажда деятельности, стремление к самоорганизации, уныло подавляемое дряхлеющей властью. В первые годы перестройки еще удавалось сохранять единство общества – достаточно вспомнить бурный интерес к лучшим официальным журналам. Идеи готовящихся великих реформ захватили многих.

Прошло тридцать лет – и общество резко расколото, воцарился отнюдь не идеологический вакуум, а идеологический хаос. Официально не слишком поощряемый либерализм захватил прочные позиции и в экономике, и в средствах массовой информации. И литературные премии, да и возможность печататься нередко предоставляют друг другу деятели одной и той же достаточно узкой либеральной тусовки. При этом ведущими идеями либералов стали не сахаровские «мир, прогресс, права человека», а

экономическая свобода, вернее, всевластие крупных корпораций, индивидуализм, культ денег, пренебрежение к обычному человеку, труженику, не сумевшему сколотить состояние (чего стоит презрительная кличка «ватник», «вата»), презрение к «устаревшим» нормам нравственности, поощрение всяческого девиантного поведения, наконец, национальный нигилизм, принимающий подчас совершенно разнузданные формы. Переосмысление значения и сути Второй мировой войны, роли в ней России, вопросы о том, не стоило ли сдать Ленинград и вообще прекратить сопротивление, как это сделало большинство стран Европы, признание России варварской, тиранической страной, не способной воспринять общечеловеческие ценности – все это исходит не только от наших зарубежных соседей (что было бы неудивительно), но и от отечественных «мыслителей». Голоса трезвых сторонников умеренного либерализма все тише, им все труднее пробиться в печать, – и в результате сам термин «либерализм» все чаще воспринимается как синоним откровенной русофобии. Хотелось бы спросить наших либералов: какую цену они готовы заплатить за «полное освобождение» общества от тоталитаризма, от следов коммунизма? Еще одна революция и гражданская война? Иностранное вмешательство? Вряд ли либерал способен публично и честно ответить на этот вопрос российской аудитории.

Либеральному сознанию противостоит консервативное, но здесь путаница еще большая. Сторонники социализма и коммунизма также доходят до немислимых крайностей. Тоска по советской действительности перед лицом набирающего мощь капитализма, разрушение привычных нравственных ценностей, потрясение при виде мгновенного разрушения казалось бы нерушимой державы – эти идеи действительно находят отклик в сердцах многих. Но отрицание страшных событий коллективизации, террора 30-40-х годов, военных ошибок и провалов, нелепости многих хрущевско-брежневских решений, восхваление идеального социалистического государства, «заботившегося о людях и вселявшего уверенность в

завтрашнем дне» производит опасное впечатление. Пройдет не так уж много времени и начнет стираться историческая память, уже достигли тридцатилетнего рубежа те, кто не представляет себе реалий ни сталинского, ни «развитого» социализма. Путаницы добавляет и то, что коммунисты не хотят отречься от марксизма. Действительно ли они разделяют идеи пролетарского интернационализма и мировой революции, отрицают частную собственность, готовы на страшное революционное насилие, чтобы вернуть страну в лоно коммунизма? – Нет ответа. С консерваторами-коммунистами в последние годы все больше сближаются государственники-монархисты, носители почвеннических, и даже откровенно националистических взглядов. Раздаются голоса, что вера в Бога не противоречит коммунистическим взглядам, что большевики спасли ценой коммунизации Российскую империю, что в западном коммунистическом учении российский народ нашел те же основы веры и нравственности, что содержались в православии. Таким образом, консерватизм становится с одной стороны страшно эклектичным, с другой – сближаются радикальные элементы коммунизма и национализма. В этой ситуации как не вспомнить Пушкина, с горечью восклицавшего, что в России единственным европейцем является правительство. Действительно, официальная идеология пытается дистанцироваться от наиболее опасных крайностей, занять какую-то умеренную позицию.

Литература не может развиваться в вакууме и столь сложная идеологическая ситуация не может на нее не влиять. Отсюда – разноголосица, идеологический хаос (часто в рамках одного и того же произведения), нечеткость политических ориентиров, а зачастую – полный отказ от них. Но литература в России всегда была идеоцентрична.

Россия за столетие, с начала XX по начало XXI века *трижды* испытывала сокрушительное разочарование в «больших проектах». Разрушение Российской Империи и массовая устремленность в «светлое царство социализма». Разрушение социализма и безоглядное стремление в европейский дом, куда нас так приветливо звали, к «ценностям свободного

рынка и демократии». Наконец, тяжелое отрезвление многих, перед жестоким лицом доморощенного капитализма, и предательства Запада, объявившего Россию страной варварской, неевропейской, проигравшей холодную войну и, в сущности, подлежащей уничтожению. Неудивительно, что растерянность, утрата высокой идеи разрушительно подействовала и на большую литературу.

Но Россия уже переживала подобное. События колоссального масштаба осознаются не сразу. На реформаторскую деятельность Петра I русская литература откликнулась только в середине XVIII века творчеством Ломоносова, Тредьяковского, Сумарокова. События Отечественной войны 1812 года нашли только через полвека великий отклик в «Войне и мире» Л.Толстого. Возможно, события конца конца XX – начала XXI веков со всеми их безудержными надеждами и трагическими разочарованиями еще ждут своего адекватного художественного воплощения в будущем.